

ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ И ФРАЗЕОЛОГИЯ*

© 2016 г. Дмитрий Олегович Добровольский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация
dobrovolskij@gmail.com

В статье обсуждается соотношение грамматики конструкций и теории фразеологии. Грамматика конструкций (СхГ) представляет собой сегодня конгломерат различных подходов и концепций, а не единую теорию. В качестве базовых принципов, разделяемых всеми направлениями СхГ, можно назвать отрицание четкой границы между грамматикой и словарем и отказ от статичного взгляда на язык, согласно которому высказывания строятся из лексических единиц с фиксированными значениями, соединяемых по независимым от этих значений регулярным грамматическим правилам. В центре внимания СхГ оказываются динамические аспекты порождения высказывания. Элементы, из которых строится высказывание, чувствительны к своему окружению и при этом влияют на сам способ построения синтаксических групп. Иными словами, план содержания единиц лексикона зависит от синтаксиса, а синтаксис зависит от выбора лексических единиц. Поскольку фразеология по определению находится в промежуточной зоне между лексиконом и грамматикой, вполне естественно, что интересы грамматики конструкций и теории фразеологии пересекаются. Для исследования особенностей фразеологической системы важно выявить эти точки пересечения, то есть установить, в каких случаях использование идей и метаязыковых инструментов СхГ может оказаться полезным для развития теории фразеологии и для решения конкретных задач. В статье обсуждаются некоторые из таких случаев.

Ключевые слова: грамматика конструкций, идиомы, класс фразеологизмов-конструкций, конверсные преобразования, семантико-прагматические следствия, семантические сдвиги, фразеология

CONSTRUCTION GRAMMAR AND PHRASEOLOGY

Dmitrij O. Dobrovol'skij

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019,
Russian Federation
dobrovolskij@gmail.com

The article discusses the relationship between Construction Grammar and phraseology. At present, Construction Grammar (CxG) is a conglomerate of different approaches and concepts rather than a unified theory. Basic principles shared by all CxG approaches include the rejection of a clear boundary between grammar and lexicon and the repudiation of the static view of language, according to which utterances are constructed from lexical units with fixed meanings joined together by regular grammatical rules independent of these meanings. CxG focuses on the dynamic aspects of utterance generation. The elements from which the utterance is constructed are sensitive to their environment and influence the very means by which syntactic phrases are formed. In other words, the meaning of the units of the lexicon depends on syntax, and syntax depends on the selection of lexical units. Since phraseology is by definition located in the intermediate zone between lexicon and grammar, the interests of Construction Grammar and the theory of phraseology quite naturally intersect. In order to research the specific features of the phraseological system it is important to identify these points of intersection — that is, to determine in which cases the use of the ideas and metalinguistic

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 15-04-00507а). Я благодарю Е. В. Рахилину и моих анонимных рецензентов за замечания, которые, как кажется, удалось учесть в окончательном варианте статьи.

instruments of CxG can be useful for developing the theory of phraseology. A number of such instances are discussed in the article.

Keywords: class of constructional phrasemes, Construction Grammar, converse transformations, idioms, phraseology, semantic and pragmatic consequences, semantic shifts

Довольно часто приходится слышать мнение, что грамматика конструкций (Construction Grammar, сокращенно CxG) и теория фразеологии — это, по сути, одно и то же¹. Это не так, хотя между этими двумя областями лингвистики существует немало точек пересечения. Именно об этих точках пересечения, а также о принципиальных различиях между CxG и фразеологией пойдет речь в данной статье. Главное отличие грамматики конструкций от фразеологии состоит в том, что CxG — это, прежде всего, синтаксическая теория (хотя и с претензией на охват всех уровней языковой структуры), а теория фразеологии — это часть лексикологии, то есть теория, ориентированная на лексикон и в первую очередь на лексическую семантику. Отправной точкой развития CxG явилось осознание того факта, что синтаксические схемы часто небезразличны к своему лексическому наполнению и что для полного описания синтаксиса нужно учитывать и нерегулярные феномены, которые в одних случаях напоминают устойчивые сочетания слов, традиционно изучаемые в рамках фразеологии, а в других — требуют обращения к правилам взаимодействия синтаксических структур. Объектом описания теории фразеологии являются устойчивые словосочетания как единицы лексикона, их семантические, прагматические и сочетаемостные особенности, а также параметры их системной организации, источники возникновения и аспекты исторического развития.

1. Грамматика конструкций: идеи и методы

Грамматика конструкций представляет собой не столько некую единую теорию, сколько множество различных подходов и концепций, объединяемых набором базовых принципов, важнейший из которых — отрицание четкой границы между грамматикой и словарем. Еще одна базовая черта CxG — перенесение центра внимания на подвижность, изменчивость лексического значения отдельных единиц словаря под воздействием их непосредственного окружения.

Таким образом, грамматика конструкций отказывается от статичного взгляда на язык, согласно которому высказывания строятся из лексических единиц с фиксированными значениями, соединяемых по независимым от этих значений и регулярным грамматическим правилам. Вместо этого подчеркиваются динамические аспекты порождения высказывания: неэлементарные составляющие строятся из элементов, с одной стороны, чувствительных к своему окружению, а с другой — влияющих на сам способ построения синтаксических групп. При таком взгляде на вещи основными единицами языка оказываются не лексемы и не правила, а конструкции разной величины, степени сложности и уровня абстракции. Для грамматики конструкций характерна также ориентация на идеи фамильного сходства: исходя из примата конкретного эмпирического материала перед абстрактными схемами, CxG «работает» не с жесткими правилами, а с прототипами.

На ранних этапах развития грамматики конструкций основное внимание уделялось описанию пограничных — и поэтому не вполне регулярных, композиционных — областей синтаксиса и лексикона (именно в этом направлении CxG достигла наиболее значительных успехов). Ср. известное определение понятия конструкции А. Голдберг, согласно которому

¹ По крайней мере, в ранних версиях грамматики конструкций ее область описания практически совпадает с предметом фразеологии. О связи CxG с фразеологией см. также [Croft, Cruse 2004: 225; Gries 2008: 14—15; Wulff 2013].

конструкция обязательно предполагает наличие определенной непредсказуемости взаимодействия формы и значения². Сходные идеи высказывались уже и в [Fillmore et al. 1988]³.

В последнее время понятие конструкции все более и более расширяется. Это аргументируется, в частности, тем, что многие абсолютно регулярно образованные словосочетания и модели, по которым они созданы, оказываются настолько частотными, что есть основания полагать, что они хранятся в памяти носителя языка как единые блоки, а не порождаются по правилам синтаксиса и соположения смыслов⁴. Эта точка зрения становится все более распространенной, что и понятно, поскольку анализ частоты встречаемости языковых выражений с использованием статистических методов (см. в первую очередь работы Дж. Байби, в частности [Вубе 2010]) — важная составляющая большинства направлений СxG⁵.

Более того, несмотря на отсутствие единого для отдельных подходов теоретического аппарата, грамматика конструкций претендует сегодня на охват всех языковых явлений. Даже столь базовая структура, как «субъект-предикат-объект» объявляется (пусть и регулярной, но) конструкцией. Логика, лежащая в основе этой экспансии, проста: описательное устройство, которое может справиться с нерегулярными — близкими к фразеологии или синтаксически непрозрачными — конструкциями, справится и с регулярными, образованными по продуктивным правилам сочетаниями. Ср., в частности [Hoffmann, Trousdale 2013]. Эти идеи содержатся уже и в пионерских работах Ч. Филлмора и его коллег⁶. Насколько оправдано такое расширение объяснительного потенциала СxG — отдельный, причем достаточно спорный, вопрос.

Здесь мы не предлагаем анализа различных направлений и положений грамматики конструкций. Достаточно полный обзор основных направлений СxG и близких идей, высказываемых в иных теоретических контекстах, содержится в работе [Рахилина, Кузнецова 2010], а также в [Ziem, Lasch 2013]. Важно подчеркнуть, что некоторые идеи, связанные

² «C is a construction iff_{def} C is a form-meaning pair <Fi, Si> such that some aspect of Fi or some aspect of Si is not strictly predictable from C's component parts or from other previously established constructions» [Goldberg 1995: 4] («С является конструкцией, если и только если С образует такую пару форма-значение <Fi, Si>, что некоторый аспект Fi или некоторый аспект Si не может быть строго предсказан на основе компонентов С или других ранее установленных конструкций»; здесь и далее перевод наш. — Д. Д.).

³ Ср. указание на то, что конструкциям свойственна некоторая идиоматичность: «constructions may be idiomatic in the sense that a large construction may specify a semantics (and/or pragmatics) that is distinct from what might be calculated from the associated semantics of the set of smaller constructions that could be used to build the same morphosyntactic object» [Fillmore et al. 1988: 501] («конструкции могут быть идиоматичны, в том смысле, что большая конструкция задает семантику (и/или прагматику), отличную от того, что могло бы быть вычислено из семантики набора меньших конструкций, потенциально образующих тот же морфосинтаксический объект»).

⁴ «In addition, patterns are stored as constructions even if they are fully predictable as long as they occur with sufficient frequency» [Goldberg 2006: 5] («Кроме того, если паттерны встречаются с достаточной частотой, они хранятся как конструкции, даже если они полностью предсказуемы»). См. также [Вубе, Норре 2001; Croft, Cruse 2004: 308—318; Вубе 2013]. В категорию конструкций в некоторых версиях теории включаются даже морфемы, на том основании, что их значение не выводимо из более элементарных единиц, а следовательно, непредсказуемо. Впрочем, у этой точки зрения находится достаточно много противников. Ср., например, [Booij 2010: 15].

⁵ Ср. также [Stefanowitsch, Gries 2003; Stefanowitsch 2007].

⁶ «It appears to us that the machinery needed for describing the so-called minor or peripheral constructions (...) will have to be powerful enough to be generalized to more familiar structures. (...) It can be hoped that the structure-building principles of the so-called core and the machinery for building the phraseological units (...) may be of a uniform type, the former being a generate instance of the latter» [Fillmore et al. 1988: 534] («Нам кажется, что аппарат, необходимый для описания так называемых малых или периферических конструкций, должен быть достаточно мощным, чтобы его можно было применить к более привычным структурам. (...) Можно надеяться, что структурообразующие принципы так называемого ядра и механизмы построения фразеологических единиц могут относиться к одному типу, при этом первый является более общим по отношению к последнему»).

с изучением природы неаддитивных словосочетаний, были предвосхищены в традиционной русистике, в первую очередь в известной работе Н. Ю. Шведовой [1960]⁷.

С грамматикой конструкций соотносится также одно из направлений Московской семантической школы — изучение феноменов «малого синтаксиса»; см. прежде всего работы Л. Л. Иомдина [2006; 2008; 2013]. В область «малого синтаксиса» включаются как «синтаксические фраземы» типа *все равно*, так и «нестандартные синтаксические конструкции» различной природы, например, конструкции с тождественными словоформами (такие как *он рос и рос, я верил и не верил*). К «синтаксическим фраземам» относятся также и составные предлоги (например, *в силу*), наречия степени типа *от силы* и др. См. подробнее [Апресян 2010: 59—280].

В качестве критерия противопоставления «синтаксических фразем» и «нестандартных синтаксических конструкций» служит наличие в соответствующей структуре четких лексических «якорей». Например, конструкция *Z-у не до X-а* является фраземой, так как содержит константные лексические элементы *до* и *не*. Таким образом, фразеологизмы-конструкции, о которых подробнее речь пойдет ниже, в разделе 2, также включаются в класс синтаксических фразем. Подчеркнем еще раз, что подобные формы представляют с точки зрения грамматики конструкций наибольший интерес, поскольку их синтаксическая структура (вместе с фиксированными элементами конструкции) характеризуется единым значением, приближающимся к лексическому. Например, фразеологизм-конструкция *X как X* (*обед как обед, статья как статья*) выражает идею обычного: *обед как обед* значит, что этот обед соответствует представлениям об обычном, нормальном обеде. Такое высказывание уместно, например, как реакция на критическое замечание собеседника, ср.: — *Ну и обед! Накормили называется! — Да ты что?! Обед как обед.*

К «нестандартным синтаксическим конструкциям» относятся синтаксические схемы, в которых нет лексических ограничений на заполнение элементов конструкции. Ср., например, инфинитивно-модальную безличную конструкцию с дательным падежом субъекта *Z-у X-овать* ‘*Z-у предстоит X-овать*’ (*Тебе выходить на следующей*) [Иомдин 2013: 300]. В качестве примеров нестандартных синтаксических конструкций приводятся также форма *X-овать (не) X-овал...* (ср.: *читать не читал, но... или спать-то я спал, но не выспался...*) и омонимичная конструкция топикализации типа *есть не ест, пить не пьет; курить он не курит*. Важно, что на основе той же синтаксической схемы могут образовываться фразеологизмы (например, *знать не знаю, ведать не ведаю*). На сходные явления обратил внимание в свое время Д. Н. Шмелев [1977: 327—330] в связи с обсуждением понятия «фразеосхемы».

Возвращаясь к идеям грамматики конструкций, напомним, что наиболее убедительные результаты применения ее методов связаны с описанием не вполне регулярных явлений языка. Эта область оказывается столь обширной и разнородной, что СxG может считаться весьма значимым компонентом современной лингвистики и без претензий на глобальный охват всех мыслимых языковых структур. Помимо феноменов «малого синтаксиса» и нерегулярных лексикализованных словосочетаний, близких к фразеологии, в сферу законных интересов грамматики конструкций попадают, например, случаи, в которых глаголы определенного класса приобретают несвойственную им модель управления, что часто связано с семантическими сдвигами. На материале английского языка подобные случаи подробно описаны в известной работе [Goldberg 1995]. Ср. также многочисленные работы, посвященные изучению дитранзитивных английских конструкций и соответствующих лексических ограничений, не всегда объяснимых в терминах семантических классов, или результативных конструкций, крайне продуктивных в германских языках.

Среди явлений такого рода, изучаемых на материале немецкого языка, можно назвать функционирование глаголов звука с моделью управления, свойственной глаголам движения; ср. раздел «*Geräusch-als-Bewegung-Verb rumpeln*» в [Ziem, Lasch 2013: 173—185]. Это явление хорошо описано на материале русского языка в терминах регулярной многозначности,

⁷ Из последних работ, развивающих эту традицию, см. [Баранов, Добровольский (в печати)].

см. [Падучева 1998]. Так, в предложении *Грузовик тархтел по пыльной дороге* глагол звука *тархтел* ведет себя как глагол движения, сопоставимый по значению с глаголами типа *ехать*. С точки зрения грамматики конструкций такие случаи описываются не столько как приобретение словом нового значения, что, в свою очередь, приводит к изменениям в структуре высказывания, сколько как результат «давления» смысла конструкции на семантические и синтаксические свойства данного слова. Иными словами, предлагается объяснение, исходящее не из примата семантики, а из идеи «принуждения» (coercion) или «интеграции» (integration), когда участие слова в другом — изначально несвойственном ему — классе конструкций заставляет его изменить свое значение⁸. Важно, что и значение данного слова должно содержать элементы, которые допускают включение слова в нестандартный контекст⁹, и, следовательно, в подобных случаях точнее говорить об интеграции. Так, в семантике глаголов звука потенциально заложена идея движения, поскольку звук — часто результат воздействия движущегося объекта, движения воздуха, трения и др.

Существенный интерес для СxG представляют также классы глаголов со специфической моделью управления, особенно если их конструктивные свойства не вполне предсказуемы. Примером могут служить русские путативные глаголы, то есть глаголы со смыслом ‘считать’ в качестве вершинного компонента толкования, анализируемые в [Апресян 2010: 342—343]. Эти глаголы управляют конструкцией определенного вида: *считать кого-л. / что-л. каким-л.* (например, *считать условия плохими, находить ее исключительно красивой*). Интересно, что близкий по значению глагол *думать* — в отличие от английского *think* — такой конструкцией не управляет.

Что касается исследования результативных конструкций, в том числе и на материале английского и немецкого языков, литература в этой области практически необозрима. Из крупных публикаций назовем лишь [Boas 2003; Goldberg, Jackendoff 2004; Müller 2002; 2006]. С точки зрения семантики особенность конструкций этого рода заключается в том, что они фокусируют результат действия, обозначаемого глаголом, а с синтаксической точки зрения — в том, что изначально непереходный глагол присоединяет предикативное прилагательное, образуя сложный предикат, управляющий в рамках конструкции прямым дополнением (семантически это пациенс или тема, то есть эффицированный объект).

Использование метаязыковых инструментов СxG сталкивается, по крайней мере, с двумя проблемами. Во-первых, этот инструментарий не всегда оказывается в равной степени приспособленным для описания конструкций разных языков¹⁰ и, во-вторых, чем регуляричнее и продуктивнее модель, по которой создаются конструкции определенного типа, тем более громоздким оказывается аппарат описания СxG. Эти наблюдения согласуются с общими критическими замечаниями, часто высказываемыми в адрес грамматики конструкций ее оппонентами. Главная претензия в том, что «эта теория удобна для анализа узко-лексикализованных конструкций, как *let alone* и ей подобные, — попытки же описать в рамках СxG более абстрактные синтаксические единицы, такие как пассив, слишком немногочисленны и малоубедительны» [Рахилина, Кузнецова 2010: 67]¹¹.

В целом, грамматика конструкций оказывается весьма полезным направлением, когда перед исследователем стоит задача включить в круг рассмотрения нерегулярные или не вполне регулярные явления языка, которые плохо поддаются анализу в рамках традиционных подходов. Основные плюсы этого направления мы видим в привлечении внимания

⁸ О понятии coercion см. [Pustejovsky 1993; 1996]. Идея интеграции для объяснения семантико-синтаксической вариативности глаголов последовательно проводится А. Голдберг в [Goldberg 1995].

⁹ На это обстоятельство мое внимание обратила Т. А. Трипольская.

¹⁰ Чем меньше ограничений язык накладывает на организацию порядка слов в предложении, тем больше разных конструкций приходится постулировать для описания соответствующих вариантов высказывания; см. подробнее, например, [Müller 2006].

¹¹ Серьезная критика в адрес грамматики конструкций высказывается также с точки зрения усвоения языка ребенком. Особенно в этом смысле важна проблема усвоения негативной информации, связанной с конструкциями, см. полемику [Adger 2013] vs. [Goldberg 2013].

теоретической лингвистики к явлениям, обычно характеризваемым как маргинальные. С тех пор как лингвисты стали активно работать с корпусами текстов, оказалось, что многие из так называемых маргинальных явлений языка отличаются крайне высокой употребительностью, и задача их описания из периферийной становится центральной. Это касается всей фразеологии, а также большого количества самых различных нерегулярных или не вполне регулярных языковых выражений.

2. Какие явления фразеологии целесообразно описывать с использованием аппарата грамматики конструкций?

Понятно, что любой фразеологизм является конструкцией. Для теории фразеологии вопрос, однако, заключается не столько в соотношении объемов понятий «конструкция» и «фразама», или «конструкция» и «идиома», сколько в том, какие преимущества дает описание фразеологии в терминах СхG по сравнению с традиционным. Хотя в рамках грамматики конструкций наблюдаются тенденции включать фразеологизмы всех типов в сферу компетенции СхG, это вряд ли разумно. Идиомы, пословицы и прочие фразеологизмы с фиксированным лексическим составом проще и экономнее описывать как единицы лексикона, чем как синтаксические образования нерегулярной природы.

Главный выигрыш для теории фразеологии видится в том, что в качестве одного из наиболее значимых классов фразем в рассмотрение вводится уже упоминавшийся выше класс фразеологизмов-конструкций. Этот класс, для анализа которого, помимо чисто лексических методов, необходим некий синтаксический инструментарий, соотносится с «лексически открытыми фразами» («lexically open idioms» или «formal idioms»), противопоставленными «лексически заполненным фразам» («lexically filled idioms» или «substantive idioms») в [Fillmore et al. 1988]. Лексически заполненные фраземы — это «нормальные» фразеологизмы: идиомы, коллокации, пословицы, в то время как лексически открытые фраземы — это синтаксические паттерны с определенной, не вполне предсказуемой семантикой и прагматикой¹². Ср. также класс «схематических фразем» (schematic idioms), выделяемый в [Croft, Cruse 2004: 248]¹³.

Фразеологизмы-конструкции мы определяем как синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты — обычные (X, Y) или пропозициональные (P, Q)); ср. [Баранов, Добровольский 2013: 86—90]¹⁴. Примерами фразеологизмов-конструкций могут служить такие выражения, как *оx уж мне эти X (ox уж мне эти фокусники), X как X (вечер как вечер), X не в X (праздник не в праздник), не X, а Y (не мужик, а шкаф; не женщина, а гора), не X, а так, Y (не научный доклад, а так, рассказ о впечатлениях), нет чтобы P, Q (нет чтобы помочь, стоит себе руки в боки), мало ли что P (мало ли что ему в голову придет)*. «Фиксированная часть конструкции вместе с ее синтаксисом выражает единое значение, которому присущи свойства лексической семантики. Так, конструкции *не X, а X-ище* и *всем X-ам X* несут значение аугментативности. А конструкция *X — он и в Африке X* выражает идею постоянства характеристик» [Баранов, Добровольский 2013: 88].

Континуум между фразеологизмами-конструкциями и свободными сочетаниями с трудом поддается классификации. Так, некоторые из клефтообразных структур русского языка интуитивно хочется включить в класс фразеологизмов-конструкций, а другие — нет. Ср.: *только и X, что Y (только и говорят, что об этом происшествии)* — фразеологизм-конструкция,

¹² В [Fillmore et al. 1988: 505] они определяются как «syntactic patterns dedicated to semantic and pragmatic purposes not knowable from their form alone».

¹³ Поскольку термин «idiom» используется в англосаксонской традиции значительно шире, чем в русской, мы переводим его в этих случаях как «фразама», а не как «идиома».

¹⁴ Ср. также немецкий термин «Phrasem-Konstruktion», введенный в [Dobrovolskij 2011], и его английский аналог «constructional phraseme» в [Dobrovolskij 2015].

а *X* что, *Y*? (*Он что, вернулся?*) — нет. Одна из причин заключается, видимо, в том, что одного лишь служебного слова *что*, хотя и употребленного здесь в особом значении, в качестве лексического «якоря» недостаточно для отнесения всей структуры к сфере фразеологии. Другая причина видится в том, что на заполнение «пустых мест» во фразеологизмах-конструкциях обычно существуют семантические ограничения.

В некоторых случаях, помимо чисто семантических ограничений, обнаруживаются и явно выраженные селективные предпочтения. Так, конструкция *в том-то весь и X*, подробно рассматриваемая в [Dobrovolskij, Röppel 2015], чаще всего реализуется в форме *в том-то все и дело*. В корпусе *ruTenTen* (подкорпусе системы *Sketch Engine*), включающем более 18 млрд словоупотреблений, на 1850 употреблений конструкции *в том-то весь и X*¹⁵ приходится 1450 реализаций формы *в том-то все и дело*; см. таблицу 1, содержащую первую десятку фаворитов заполнения слота *X*. Сходным образом *дело* оказалось самым частотным существительным и в родственной конструкции *в том-то и весь X*, встретившейся в *ruTenTen* 438 раз, см. таблицу 2.

Таблица 1

Слово	Частота
дело	1450
штука	77
беда	56
проблема	46
фокус	26
прелесть	24
фишка	22
соль	20
загвоздка	17
суть	16

Таблица 2

Слово	Частота
дело	90
фокус	34
беда	30
прелесть	24
вопрос	21
проблема	21
ужас	19
суть	18
штука	18
соль	16

Поиск в основном корпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ] дал принципиально схожие результаты. Из 66 реализаций фразеологизма-конструкции *в том-то весь и X* 52 приходятся на форму *в том-то все и дело*. Конструкция *в том-то и весь X* встретилась в НКРЯ всего 29 раз, не обнаружив явных фаворитов: *ужас* — 5, *дело*, *фокус* — по 4, *штука* — 3, *суть*, (*моя*) *беда*, *вопрос* — по 2, *несчастье*, *парадокс*, *соль*, *хитрость*, *разница*, *его трагедия*, *ваша просьба* — по 1. Также и в конструкции *в том-то и X* на 21203 употребления в *ruTenTen* приходится 17843 употребления формы *в том-то и дело*. Далее следуют *беда* (1163), *проблема* (758), *суть* (353), *штука* (255), *прелесть* (216), *фокус* (200), *вопрос* (155), *смысл* (132), *фишка* (128), что позволяет говорить об устойчивом характере предпочтений в способе заполнения слота *X* в этой группе конструкций и об особом статусе выражения *в том-то и дело* с вариантами *в том-то и все дело* и *в том-то все и дело*.

Сходные по сути явления обсуждаются в [Апресян В. 2015]. Так, анализ заполнения слота *X* в конструкции *как ни X* (где *X* может быть прилагательным или наречием) показал, что примерно половину всех реализаций в основном корпусе НКРЯ составляет прилагательное *странный*: *как ни странно* — 2227 контекстов. Далее следуют *как ни удивительно*, *как ни парадоксально* — по 314, *как ни тяжело* — 113, *как ни мал* — 110, *как ни велик* — 84, *как ни трудно* — 57, *как ни хорошо* — 55, *как ни плохо* — 47, *как ни прискорбно* — 45, *как ни грустно* — 43, *как ни горько* — 42, прочее — 2116 [Там же: 141]. Столь явные предпочтения в способе заполнения слотов конструкции — случай достаточно типичный. Ср. обсуждаемую в этой же работе конструкцию *откуда ни X*, *P*. Основная ее реализация — это

¹⁵ Поиск осуществлялся по всем трем формам грамматического рода.

фразама *откуда ни возьмись* (380 контекстов из проанализированных 442). На прочие способы заполнения слота *X* (*откуда ни зайти, откуда ни посмотреть, откуда ни идти, откуда ни глянь* и др.) приходится единичные контексты [Там же: 164].

Однако было бы неверно думать, что все фразеологизмы-конструкции обнаруживают столь явные предпочтения в способе заполнения «пустых мест» и что (если воспользоваться терминами Ч. Филлмора и его коллег) внутри любой «лексически открытой фраземы» сидит некая «лексически заполненная фразама». Так, конструкции *как никак P* (ср. примеры (1)), *будто уж и P* (2), *чего доброго P* (3), *того и гляди P* (4)¹⁶ не демонстрируют явных предпочтений в способе заполнения слота *P*. Соответствующие ограничения диктуются исключительно семантикой конструкции.

- (1) а. И вообще таких людей «друзьями» сложно назвать. Друзья должны поддерживать *как никак* [коллективный (2011)];
 б. Давай, познакомимся, покурим, побазарим. Соседи, *как никак* [Николай Коляда. Мурлин Мурло (1989)];
 в. *Как никак*, а после конца занавес давали четырнадцать раз! [А. Н. Арбузов. Годы странствий (1954)].
- (2) а. — А вы *будто уж и* не замечали ничего? [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)];
 б. — Что-то, Федор Васильич, овса-то *будто уж и* многонько [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина (1887—1889)];
 в. — И как больно, как знакомо все это, *будто уж и* знала она всю-то свою жизнь заранее, *будто уж и* жила когда-то, давным-давно, и пела вот так же и дивный голос Егора слушала! [Юрий Казаков. Трали-вали (1959)].
- (3) а. — Расскажу потом, в другой раз, сейчас не могу, а то, *чего доброго*, опять приснится. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)];
 б. Если бы не клочок ваты, смоченный нашатырным спиртом, поднесенный к моим ноздрям чьей-то милосердной рукой, то я бы, *чего доброго*, хлопнулся в обморок [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)];
 в. Еще, *чего доброго*, от своего нахальства потребую, чтобы мне дали медаль за участие в обороне [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)];
 г. Но сегодняшний Иван уже значительно отличался от Ивана вчерашнего, и первый путь показался ему сомнительным: *чего доброго*, они укоренятся в мысли, что он буйный сумасшедший [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)].
- (4) а. Стоят и, видно, ссорятся: то один пнет другого, то другой — его. *Того и гляди* скатятся в воду [И. Грекова. Перелом (1987)];
 б. На порог-то пускает не каждого. *Того и гляди*, ухватом сработает [Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)];
 в. Покойникам не до вечного сна, *того и гляди* кто-нибудь припрется на твою территорию да обгадит [Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)];
 г. Чуть дождит — и скользко, *будто по мылу идешь! Того и гляди* ногу сломаешь [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004)].

¹⁶ Последние две конструкции подробно описаны в [Аркадьев 2007]. Одно из базовых различий в семантике этих конструкций усматривается в том, что в *чего доброго P* наступление *P* нежелательно для говорящего, в то время как *того и гляди P* не содержит идеи нежелательности. Ср., однако, [Шведова 1960: 108], где выражение *того и гляди P* характеризуется как имеющее «значение непосредственной и близкой возможности осуществления нежелательного», а также типичные примеры (4). Представляется, что контексты, в которых эта конструкция не связана с идеей нежелательности, скорее, редки. Интересна история развития фразеологизма-конструкции *того и гляди P* из свободного словосочетания: *Ибо как государь, около сего времени, со всем своим двором отбыл из Петербурга на летнее жилище в любезный свой Ораниенбаум, то, по отъезде его, народный ропот и неудовольствие так увеличилось, что мы всякий день того и смотрели, что произойдет что-нибудь важное* [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1800)]. На этот пример употребления мое внимание обратила Е. В. Падучева.

Встречаются и переходные случаи. Например, фразеологизм-конструкция *да что там X/P, Q* характеризуется большим разнообразием в заполнении «пустых мест» (ср. контексты (5)), однако довольно часто встречается реализация *да что там говорить*.

- (5) а. Много путей было предотвратить арест Фомы, *да что там* арест, теперь речь шла о его жизни [Даниил Гранин. Зубр (1987)];
 б. *Да что там* чиновники — к коллеге-журналисту порой не дозовнишься [К начальству не допускать! (2002)];
 в. *Да что там* заставка, это тянет на логотип всей войны — черный осьминожка и зеленый круг с... Уж не знаю, кого в него впишут [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)];
 г. *Да что там* город — пол-Грузии у него побывало [Михаил Гиголашвили. Чертовое колесо (2007)].

Закljučая этот раздел, отметим, что подобные единицы до сих пор изучены хуже, чем «классические» фразеологизмы типа *сыграть в ящик* или *на воре шапка горит*, при том что они довольно многочисленны, встречаются в самых разных языках и отличаются достаточно высокой употребительностью.

3. Идеи грамматики конструкций в анализе идиом

Открытым остается вопрос, насколько идеи СxG могут оказаться полезными для описания «нормальных» идиом, то есть фразем типа *заговаривать зубы, чесать репу, рыльце в пушку*. На первый взгляд такие выражения с точки зрения СxG неинтересны. Можно, конечно, сказать, что это — как и любые устойчивые языковые выражения — тоже конструкции, но за этим терминологическим решением не стоит никакого содержательного выигрыша для фразеологии. Ведь такие идиомы все равно остаются лексическими единицами, и любое продвижение на пути изучения явлений на границе между грамматикой и лексиконом их, казалось бы, не затрагивает.

Есть, однако, некоторая группа идиом, план содержания которых чувствителен к конструктивному «принуждению» (coercion). Явление конструктивного «принуждения» наблюдается в разных классах фразеологизмов, и в том числе в рамках класса идиом. Нередко включение идиомы в тот или иной контекст влияет на ее значение. Иными словами, семантика идиомы оказывается зависимой от ее непосредственного окружения. Подобные случаи — в несколько ином теоретическом контексте — обсуждаются в [Добровольский, Падучева 2010].

Так, например, выражения со значением ‘что-л. кого-л. не касается’ при употреблении в различных лицах регулярно обнаруживают явные семантико-прагматические различия. Ср., например, русские идиомы (*чье-л.*) *дело десятое* и (*чье-л.*) *дело маленькое*.

Идиома (*чье-л.*) *дело десятое* может быть истолкована следующим образом: ‘кто-л. не является значимым участником ситуации и не имеет к ней непосредственного отношения, как бы находясь далеко от начала упорядоченного списка значимых участников’ [АСРФ]. При употреблении идиомы в 1 лице (*мое / наше... дело десятое*) возникает нетривиальное семантико-прагматическое следствие: говорящий не хочет вникать в обстоятельства данной ситуации и нести ответственность; ср. (6)¹⁷.

- (6) — Между прочим, сокрытие от следствия фактов, касающихся преступления, является уголовно наказуемым деянием, — напомнил Крячко. — А мне скрывать нечего, — отрезал Семин. — *Мое дело десятое* [Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска].

В формах 2 и 3 лица значение может (но не должно!) модифицироваться: вместо идеи нежелания иметь отношение к ситуации профилируется указание говорящего на незначимость адресата и на его более низкий статус, то есть появляется другое семантико-прагматическое следствие; ср. (7).

¹⁷ Этот и другие примеры употребления обсуждаемых в этом разделе идиом взяты из [АСРФ].

- (7) Проводник заметил: — Прямая дорога ему до лагпункта Россия-шесть... — *Твое*, положим, *дело десятое*, — оборвал его человек в очках. — Значит так: проводишь клиента до лагпункта Россия-шесть и сдашь с рук на руки Мартынову, — пускай он его разместит [В. Пьецух. Кончина и комментарий].

Сходным образом употребляется и синонимичная идиома (*че-л.*) *дело маленькое*. Ср. контекст от 1 лица (8) и от 2-го (9).

- (8) — Кто вас послал? — Хозяин мой, Влад Гагачи. *Мое дело маленькое* [В. Аксенов. Негатив положительного героя].
- (9) Зачем голосовать? — развел руками Котляр. — Вы хотите комиссию — делайте комиссию. — Тебя никто не спрашивает, — мотнула головой Клава Ивановна. — Мы сами знаем, что нам делать, а хочешь ты или не хочешь, *твое дело маленькое* [А. Львов. Двор].

Этот семантический сдвиг регулярен (отмечен во всех известных нам выражениях с таким значением), но его обязательность варьирует от выражения к выражению. Ср. контекст (10), где сохраняется характерное для 1 лица семантико-прагматическое следствие 'устранения от ответственности'.

- (10) Ездишь себе в разные места, книжицу почитываешь по дороге, посвистываешь, мечтаешь, ни за что не отвечаешь, не думаешь ни о чем, не страшишься никаких взбучек, не отлавливаешь на лице у шефа признака недовольства или раздражения — *твое дело маленькое*, ты бумаги привез, закорючку получил и дальше поехал [Т. Устинова. Подруга особого назначения].

Выражения данного семантического класса варьируют относительно степени приемлемости тех или иных дополнительных интерпретаций. Так, идиома (*че-л.*) *дело маленькое*, судя по всему, употребляется во 2 лице с имплицатурой 'устранения от ответственности' чаще, чем идиома (*че-л.*) *дело десятое*. Видимо, выражение *дело десятое* обладает большим агрессивным семантическим потенциалом, чем *дело маленькое*. А для идиомы (*че-л.*) *дело сторона* «агрессивные» контексты 2 лица вообще нетипичны: *?не суйся, твое дело сторона*, при вполне узуальном *не суйся, твое дело десятое*.

Итак, для выражений со значением 'что-л. кого-л. не касается' нельзя предложить общего правила интерпретации. С одной стороны, такие выражения обнаруживают при употреблении в различных лицах регулярные различия в характере иллокутивной составляющей, так что формы 1 лица оказываются противопоставленными другим формам. С другой — эта особенность присуща отдельным выражениям — членам данного синонимического ряда — в разной степени.

Материал показывает, что свойства форм 1 лица, будучи семантическими по природе, во многом объясняются универсальными прагматическими параметрами — закономерностями организации коммуникативной ситуации. Однако при реализации данного принципиально универсального потенциала каждая конкретная лексическая единица может проявлять какие-то индивидуальные черты. Подобные семантические сдвиги носят довольно систематический характер, являясь типичным случаем реализации соерсiон-принципа, и, тем самым, входят в компетенцию грамматики конструкций.

Другой случай, в котором идеи грамматики конструкций могут оказаться полезными при изучении идиоматики, — это реализация принципа «штамповки», описанного Ч. Филлмором в [Fillmore 2006]. Филлмор противопоставляет «штамповку» (coining) «порождению» (generating). В то время как под понятием «порождения» объединяются продуктивные правила, использование которых позволяет говорящему порождать и понимать новые высказывания, под «штамповкой» понимается создание тех или иных конструкций по определенному образцу, не обладающему предсказательной силой¹⁸. Принцип «штамповки»

¹⁸ «We can distinguish two kinds of “creativity” in language. In one case there is the ability of speakers, using existing resources in the language, to produce and understand novel expressions. In the other case,

оказывается центральным для СxG. Именно способность носителей языка создавать новые выражения не по продуктивным правилам, а по аналогии с существующими языковыми формами, которые, в свою очередь, могут оказаться и не вполне «правильными», то есть не следующими регулярным моделям, привлекает внимание теоретиков СxG. В сфере идиоматики по принципу «штамповки» создаются, в частности, конверсные формы; ср.: *дать сдачи — получить сдачи, дать по шапке — получить по шапке, влететь девять граммов — получить девять граммов, принести на блюдечке [с голубой каемочкой] — получить на блюдечке [с голубой каемочкой], дать зеленый свет [зеленую улицу] — получить зеленый свет [зеленую улицу]*. В терминах модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» конверсные преобразования основаны на правиле диатетического сдвига вида $[X \text{ Орег}_{12}(C_0) Y \leftrightarrow Y \text{ Орег}_{21}(C_0) X]$, где C_0 — стабильная часть выражения, мена глагола с семантикой лексической функции Орег отвечает за конверсное преобразование, а X и Y — актанты идиомы, ср.: *За опоздание начальник дал сотрудникам по шапке $\leftrightarrow$ За опоздание сотрудники получили по шапке от начальника*. Таким образом, образование конверсивных пар в идиоматике следует достаточно регулярным принципам и не только диктуется коммуникативными потребностями и семантикой соответствующих выражений, но и поддерживается лежащей в основе схемой.

Одним из решающих факторов, способствующих конверсным преобразованиям, оказывается принадлежность идиомы к определенному семантическому полю. Это в первую очередь поле физическое воздействие, физическое насилие и группа полей, связанных с ним отношениями семантической деривации. Так, идиомы-конверсивы *дать сдачи — получить сдачи* в своем основном значении осмысляются как ‘физическое воздействие’, а в производном — как ‘конфликт’ или ‘агрессия’; ср. примеры (11) и (12) из [АСРФ].

- (11) а. Первый удар может быть совсем легким, даже незаметным, но если человек его пропускает и молча отступает, не *давая сдачи*, то обязательно следует еще один удар, потом еще и еще, и в избиение включаются все присутствующие, потому что действует мощный стадный инстинкт «на добивание» [Корпус Русской Прозы];
- б. Вообще с того времени Саша ближе чем на расстояние вытянутой руки ко мне не подходит. Я ведь вместо «здрасьте» всё норовлю найти его «ахиллесову пяту», всё рвусь его неожиданно приложить. У него такая реакция и спокойствие, что удержаться и не ударить невозможно. Особенно если знаешь, что не *получишь сдачи* [А. Сурикова. Любовь со второго взгляда].
- (12) а. Самая тяжелая была двадцать первая минута, когда не удалось реализовать выход один на один, и в следующей же атаке мы пропустили. Я опасался, что этот эпизод может надломить игроков психологически. К счастью, этого не случилось — ребята устояли и даже сумели *дать сдачи* [Известия];
- б. Не будь идеалистом. Во взрослом мире нет снисхождения. Никому никого не жалко. Если у государства появляется шанс пнуть соседа и не *получить сдачи*, оно немедленно это делает [Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона].

Типичными для поля физическое воздействие, физическое насилие оказываются такие стилистически сниженные и жаргонные идиомы, как *дать в лоб — получить в лоб*,

the one for which we use the term coining, a speaker uses existing patterns in the language for creating new resources. (...) Since the ability to create new words, using non-productive processes, is clearly a linguistic ability, it is my opinion that a grammar of a language needs to identify constructions that exist for ‘coining’ purposes as well» [Fillmore 2006: 4] («Мы различаем два вида “креативности” в языке. Один вид – это способность говорящих порождать и понимать новые выражения, используя существующие ресурсы языка. Другой вид — способность, для которой мы используем термин ‘штамповка’ – состоит в том, что говорящий использует существующие языковые паттерны для порождения новых ресурсов. (...) Поскольку способность создавать новые слова, используя непродуктивные процессы, с очевидностью является языковой способностью, я считаю, что грамматика должна учитывать также и конструкции, существующие для “штамповки”»).

дать по соплям — получить по соплям, дать/наварить в бубен — получить в бубен; дать/врезать по рогам — получить/схлопотать по рогам; дать/оформить/двинуть в табло — получить/схлопотать в табло. Характерно при этом, что агентивная валентность всех *получить*-коррелятов факультативна и в большинстве контекстов оказывается незаполненной. В данном семантическом поле действует некоторая схема-образец, которая в обобщенном виде может быть представлена как [X дал в/по {часть тела} Y-a] в значении 'X ударил (избил) Y-a' — [Y получил в/по {часть тела} Y-a от X-a] в значении 'Y получил удар (был избит) X-ом'¹⁹. Подобные конструктивные паттерны могут быть построены для каждого семантического поля с идиомами-конверсивами.

Образование конверсивов во фразеологии происходит, таким образом, по определенным схемам. Это становится особенно очевидным в случаях, когда один из членов конверсивной пары существенно уступает другому в степени употребительности. Так, форма *получить зеленую улицу* встречается значительно реже, чем форма *дать зеленую улицу*, а форма *получить девять граммов* — конверсив к *влететь девять граммов* — вообще не встретилась в НКРЯ ни разу. Тем не менее образование таких форм возможно и не противоречит нормам современного словоупотребления; ср. единичные контексты типа *Третий получил девять граммов в спину, когда пытался забежать за машину* [Дмитрий Груношкин. За порогом боли (GoogleBooks)].

В случае конверсивных пар мы имеем дело не просто с двумя закрепившимися в узусе идиомами, между которыми устанавливается отношение конверсии, а с реализацией некоторой системно обусловленной потенции варьирования диатезы. Описание этих потенций и выявление образцов, по которым «штампуются» соответствующие формы, является одной из базовых задач грамматики конструкций, пересекающихся с интересами теории фразеологии.

* * *

Объем статьи не позволяет обсудить подробно прочие случаи, в которых использование инструментария СxG при анализе фразеологического материала осмысленно и может дать нетривиальные результаты. Заметим лишь, что фразеология и СxG (по крайней мере, в той ее части, которая занимается нерегулярными феноменами языка) — это два разных и, видимо, взаимодополняющих подхода к изучению некомпозиционных структур: от лексикона к синтаксису и от синтаксиса к лексикону. Если попытаться обобщить, какие именно фразеологические явления могут быть лучше поняты в рамках грамматики конструкций, следует прежде всего назвать класс фразеологизмов-конструкций. Единицы этого типа до сих пор не привлекали должного внимания фразеологов: семантика таких конструкций описывалась весьма приблизительно, а ограничения на заполнение «пустых мест» и соответствующие селективные предпочтения практически не исследовались.

Влияние идей грамматики конструкций на фразеологию этим не исчерпывается. Так, весьма продуктивным фактором представляется принцип конструктивного «принуждения», который действует в разных классах фразеологизмов, в том числе в идиомах. В соответствии с этим принципом любая фразема (как и лексема) интегрируется в некоторую объемлющую ее конструкцию, влияющую на ее значение. Учет этого фактора позволяет, с одной стороны, описать ограничения на сочетаемость этой единицы, а с другой — выявить семантические противопоставления фразеологизма со своими квазисинонимами и квазиэквивалентами в других языках. Центральное значение для выявления системных свойств фразеологии имеет принцип «штамповки», в соответствии с которым те или иные

¹⁹ В множество «частей тела» здесь включаются и метонимические лексемы, ср.: *дать/получить по соплям*, а глаголы *дать* и *получить* представляют соответствующие семантические классы, т. е. в составе конкретных идиом эти концепты могут реализовываться с помощью разных языковых выражений, например, *врезать, вмазать, наложить, наварить, оформить* или *схлопотать, влетело* и др. См. подробнее [Добровольский 2011].

конструкции создаются по определенному образцу, не обладающему предсказательной силой. На способности носителей языка создавать новые выражения не по продуктивным правилам, а по аналогии с существующими языковыми формами основывается системное — близкое к грамматическому — варьирование идиом. И наконец, то, что фразеология переместилась сегодня с периферийного места, которое она долго занимала, в центр теоретических интересов, — во многом следствие растущего влияния грамматики конструкций в современной лингвистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян В. 2015 — Апресян В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Apresjan V. Yu. *Ustupitel'nost': mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke* [Concession: Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Апресян 2010 — Апресян Ю. Д. (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Yu. D. (ed.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of the Russian syntax: Interaction of grammar and lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Аркадьев 2007 — Аркадьев П. М. О семантике русских конструкций *чего доброго* и *того гляди* // *Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы*. 2007. № 4. С. 11—17. [Arkad'ev P. M. On the semantics of the Russian constructions *chego dobrogo* and *togo glyadi*. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2007. No. 4. Pp. 11—17.]
- АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2015. [Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovol'skij D. O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D. *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii* [Russian Academy Phraseological Dictionary of Idioms] Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. (eds.). 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Leksrus, 2015.]
- Баранов, Добровольский 2013 — Баранов А. Н. Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, Наука, 2013. [Baranov A. N. Dobrovol'skij D. O. *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs)* [Fundamentals of phraseology: A short course]. Moscow: Flinta, Nauka, 2013.]
- Баранов, Добровольский (в печати) — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Фразеологизмы-конструкции в концепции Н. Ю. Шведовой (семантический аспект) // Ляпон М. В. (ред.). Язык: поиски, факты, гипотезы: сборник памяти Н. Ю. Шведовой (в печати). [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Constructional phrasemes in N. Yu. Shvedova's theory (semantic aspect). *Yazyk: Poiski, fakty, gipotezy: Sbornik pamyati N. Yu. Shvedovoi*. Lyapon M. V. (ed.) (in print).]
- Добровольский 2011 — Добровольский Д. О. Конверсия и актантная деривация во фразеологии // Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.) Слово и язык. Сб. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 207—227. [Dobrovol'skij D. O. Conversion and actant derivation in phraseology. *Slovo i yazyk. Sb. k 80-letiyu akad. Yu. D. Apresjana*. Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2011. Pp. 207—227.]
- Добровольский, Падучева 2010 — Добровольский Д. О., Падучева Е. В. Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика // Арутюнова Н. Д. (ред.). Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. С. 104—121. [Dobrovol'skij D. O., Paducheva E. V. 1st person utterances: Semantics and pragmatics. *Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 2010. Pp. 104—121.]
- Иомдин 2006 — Иомдин Л. Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конференции «Диалог 2006». М.: РГГУ, 2006. С. 202—206. [Iomdin L. L. Polysemous syntactic phrasemes: Between the lexicon and the syntax. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2006»*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2006. Pp. 202—206.]
- Иомдин 2008 — Иомдин Л. Л. В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар.

- конференции «Диалог 2008». Бекасово, 4—8 июня 2008 г. Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 178—184. [Iomdin L. L. Deep in the microsyntax: A lexical class of syntactic phrasemes. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2008»*. Bekasovo, June 4—8, 2008. No. 7 (14). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2008. Pp. 178—184.]
- Иомдин 2013 — Иомдин Л. Л. *Читать не читал, но...: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2013»*. Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 309—322. [Iomdin L. L. Chitat' ne chital, no...: On a Russian construction with repeated lexical elements. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2013»*. No. 12 (19): In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2013. Pp. 309—322.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 1998 — Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3—23. [Paducheva E. V. On the paradigm of regular polysemy of verbs expressing sound. *Voprosy jazykoznanija*. 1998. No. 5. Pp. 3—23.]
- Рахилина, Кузнецова 2010 — Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Рахилина Е. В. (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 18—79. [Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. Construction grammar: Theory, followers, similar ideas. *Lingvistika konstruksii*. Rakhilina E. V. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2010. Pp. 18—79.]
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. [Shvedova N. Yu. *Oчерки po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of the Russian colloquial language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- Шмелев 1977 — Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Наука, 1977. [Shmelev D. N. *Sovremennyy russkii yazyk. Leksika* [The modern Russian language. Vocabulary]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Adger 2013 — Adger D. Constructions and grammatical explanation: Comments on Goldberg. *Mind and Language*. 2013. Vol. 28. No. 4. Pp. 466—478.
- Boas 2003 — Boas H. C. *A constructional approach to resultatives*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2003.
- Booij 2010 — Booij G. *Construction morphology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Bybee 2010 — Bybee J. L. *Language, usage and cognition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Bybee 2013 — Bybee J. L. Usage-based theory and exemplar representations of constructions. *The Oxford handbook of construction grammar*. Hoffmann T., Trousdale G. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 49—69.
- Bybee, Hopper 2001 — Bybee J. L., Hopper P. J. (eds.). *Frequency and the emergence of linguistic structure*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Croft, Cruse 2004 — Croft W., Cruse D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Dobrovol'skij 2011 — Dobrovol'skij D. Phraseologie und Konstruktionsgrammatik. *Konstruktionsgrammatik III. Aktuelle Fragen und Lösungsansätze*. Lasch A., Ziem A. (Hrsg.) Tübingen: Stauffenburg, 2011. S. 111—130.
- Dobrovol'skij 2015 — Dobrovol'skij D. On the systematic variation of German idioms: Converse pairs as a constructional phenomenon. *Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 11. No. 3. Pp. 248—257.
- Dobrovol'skij, Pöppel 2015 — Dobrovol'skij D., Pöppel L. Entrenched lexical patterns: The Russian construction *в том-то и весь N*. *Procedia — social and behavioral sciences*. Vol. 206 (XVth International conference «Linguistic and cultural studies: Traditions and innovations»). Anderson G. D. S., Erdal M. (eds). Philadelphia: Elsevier, 2015. Pp. 18—23.
- Fillmore 2006 — Fillmore Ch. J. Idiomaticity. *Berkeley construction grammar*. Available at: <http://www.icsi.berkeley.edu>.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of 'let alone'. *Language*. 1988. Vol. 64. No. 3. Pp. 501—538.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Goldberg 2013 — Goldberg A. E. Explanation and constructions. *Mind and Language*. 2013. Vol. 28. No. 4. Pp. 479—491.

- Goldberg, Jackendoff 2004 — Goldberg A. E., Jackendoff R. The English resultative as a family of constructions. *Language*. 2004. Vol. 80. No. 3. Pp. 532—568.
- Gries 2008 — Gries S. T. Phraseology and linguistic theory: A brief survey. *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Granger S., Meunier F. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 3—25.
- Hoffmann, Trousdale 2013 — Hoffmann T., Trousdale G. Construction grammar: Introduction. *The Oxford handbook of construction grammar*. Hoffmann T., Trousdale G. (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 1—14.
- Müller 2002 — Müller S. *Complex predicates: Verbal complexes, resultative constructions, and particle verbs in German*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2002.
- Müller 2006 — Müller S. Phrasal or lexical constructions? *Language*. 2006. Vol. 82. No. 4. Pp. 850—883.
- Pustejovsky 1993 — Pustejovsky J. Type coercion and lexical selection. *Semantics and the lexicon*. Pustejovsky J. (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1993. Pp. 73—94.
- Pustejovsky 1996 — Pustejovsky J. *The generative lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996.
- Stefanowitsch 2007 — Stefanowitsch A. Linguistics beyond grammaticality. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2007. Vol. 3. No. 1. Pp. 57—71.
- Stefanowitsch, Gries 2003 — Stefanowitsch A., Gries S. T. Collostructions: Investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8. No. 2. Pp. 209—243.
- Wulff 2013 — Wulff S. Words and idioms. *The Oxford handbook of construction grammar*. Hoffmann T., Trousdale G. (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 274—289.
- Ziem, Lasch 2013 — Ziem A., Lasch A. *Konstruktionsgrammatik. Konzepte und Grundlagen gebrauchsbasierter Ansätze*. Berlin: Walter de Gruyter, 2013.

Статья поступила в редакцию 18.10.2015.